

Czas w kulturze rosyjskiej

Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Czas w kulturze rosyjskiej
Время в русской культуре

Seria Antropologia Kultury Rosyjskiej
pod red. Andrzeja Dudka

Dotychczas ukazały się:

Rosyjskie dzieciństwo. Русское детство, pod redakcją Katarzyny Dudy i Andrzeja Dudka, Kraków 2015

Katarzyna Anna Duda, *Szkice o prozie rosyjskiej XXI wieku. Ulicka, Szyszkin, Pielewin, Minajew, Sienczyn, Kuricyn, Starobiniec...*, Kraków 2017

Czas w kulturze rosyjskiej

Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Kraków 2019

© Copyright by individual authors, 2019

Recenzenci:

prof. dr hab. Tereza Obolevich (SBDNP)

prof. dr hab. Anna Woźniak

prof. dr hab. Joachim Diec

prof. dr hab. Zbigniew Greń

Redakcja

Helena Piecuch, Magdalena Romanowska

Koncepcja okładki

Marta Dudek

Opracowanie graficzne

Paweł Sepielak

ISBN 978-83-8138-138-3

DOI <https://doi.org/10.12797/9788381381383>

Publikacja dofinansowana przez Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych
Uniwersytetu Jagiellońskiego

KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel./faks: 12 431 27 43, 12 421 13 87

e-mail: akademicka@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: www.akademicka.pl

Spis treści. Содержание

Andrzej Dudek , Czas w kulturze rosyjskiej. Uwagi wstępne.....	9
---	---

CZAS W JĘZYKU. JĘZYK W CZASIE ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ. ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ

Ewa Komorowska , Frazeologizmy z wykładnikiem <i>время</i> w języku rosyjskim.....	23
Алла Лихачева , Фактор времени в современном российском городском номинативном дизайне.....	41

SAKRALNE I MITOLOGICZNE RYTMY CZASU САКРАЛЬНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РИТМЫ ВРЕМЕНИ

Елена Левкиевская , Время земное и время мифологическое в русских мифологических нарративах.....	55
Hanna Kowalska-Stus , Пространственное восприятие времени в кругу византийской культуры.....	65
Józef Kuffel , Aspekty temporalne w <i>Żywocie św. Kiryła Biełozierskiego</i>	77
Anna Kościółek , Пост в жизни и творчестве Андрея Муравьева	89
Наталья Мариевская , Историческое и сакральное время в структуре современного российского фильма. Звягинцев – Сокуров – Балабанов	101
Małgorzata Abassy , Człowiek w czasie i czas w człowieku. Fenomen czasu w ujęciu Jewdokiji Marczenko – „Radasteja”	115

KONCEPTUALIZACJE CZASU W ROSYJSKIEJ MYŚLI TEOLOGICZNEJ I FILOZOFICZNEJ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Dymitr Romanowski , Александр Шмеман. <i>Sub specie aeternitatis</i>	133
Виктор Троицкий , Энантиодромия как обобщенная форма времени в русской культуре Серебряного века.....	149

Оксана Седых , Миг и вечность как антиномия: П.А. Флоренский и культура Серебряного века.....	157
Елена Тахо-Годи , Проблема времени в художественной прозе А.Ф. Лосева	171
Leszek Augustyn , Kultura transcendencji: czas egzystencjalny w ujęciu Mikołaja Bierdiajewa	181
Marta Lechowska , Маскарад как бегство от самого себя. Рассуждения Федора Степуна о человеке, времени и вечности	195
Roman Mnich , Проблема времени в философском литературоведении Дмитрия Чижевского	203

KULTUROZNAWCZE I HISTORYCZNE KONCEPTUALIZACJE CZASU КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Ирина Колесник , Категория времени в науке и культуре: рефлексии историка	217
Ирина Едошина , Эпоха <i>fin de siècle</i> : культурфилософские очертания.....	233
Александр Турыгин , Теория „переломного времени” Райнхарта Козеллека: возможности применения в изучении российской истории XVIII в.....	249

CZAS JAKO ASPEKT ŻYCIA SPOŁECZNEGO ВРЕМЯ КАК АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Елена Самойлова , Локальные маркеры времени в традиционной культуре поморов XIX-XX вв.	265
Валентина Веремко , Ощущение времени в концепте передовой педагогики в России в начале XX века	275
Ирина Синова , Революция 1917 года в России как фактор времени в контексте ретрансляции на повседневную жизнь	287
Алла Сальникова , „До” и „после”: репрезентация времени в детских автобиографических нарративах первого советского десятилетия	297
Татьяна Руюткина , Трансформация понятий „раньше” и „теперь” в народной памяти (по материалам „устной истории”)	307
Ильнара Ханипова , Реалии нового советского времени в деревне татарской АССР и их отражение в национальной литературе 1920-1930-х гг.....	317
Kinga Nędza-Sikoniowska , „Czasie, naprzód!” Chronometraż w zakładzie pracy, w radzieckim społeczeństwie, w nowej rodzinie.....	331
Stanisław Fiszer , Концептуализация социального и исторического времени в позднем творчестве Александра Зиновьева	347
Иван Радиков , Проблема баланса потоков политического времени в развитии российского общества	355
Marian Broda , Paradoksy teorii rosyjskiej (nie)współczesności? Iwana Jesaulowa koncepcja mitologicznej dominanty w strukturach postsowieckiej codzienności	367

Anna Kadykała , Забыть Афган? Нет, невозможно. Об эволюции восприятия советско-афганской войны (1979-1989) в общественном сознании россиян и в российском политическом дискурсе	379
--	-----

TEMPORALNE ASPEKTY LITERACKIEGO OBRAZU ŚWIATA ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Василий Щукин , Художественные модели времени в русской литературе XIX века (на материале избранных произведений классиков)	395
Михаил Строганов , Одолеть пространство временем. Время в русском травелоге XIX века	405
Константин Баршт , Время и Апокалипсис в произведениях Ф.М. Достоевского	413
Magdalena Dąbrowska , Wiersz Michała Murawjowa <i>Noc</i> – tekst i konteksty	433
Елена Созина , Время и место. Феномен восьмидесятилетия и его рефлексии: М.Н. Альбов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов	443
Евгения Строганова , Тюремно-каторжные тексты И.П. Ювачева: особенности восприятия и репрезентации времени	455
Светлана Титаренко , Идея вечного возвращения Фридриха Ницше в поэзии русского символизма	465
Izabella Malej , „Жизнь и смерть в круженье вечном”. О metamorfozach czasu w twórczości Aleksandra Błoka	479
Йозеф Догнал , Роль времени в повести А.М. Ремизова <i>Часы</i>	495
Andrzej Dudek , Между мгновением и вечностью. Временные аспекты картины мира в творчестве Дмитрия Мережковского	505
Iwona Krycka-Michnowska , Wobec przemijania. <i>Jęgor Bułyczow i inni</i> Maksyma Gorkiego – próba (re)interpretacji	523
Monika Sidor , Czas historyczny i doświadczenie. Strategia opisu przeszłości w eposie <i>Czerwone Koło</i> Aleksandra Sołżenicyna	535
Kristina Vorontsova , Время как постмодернистская игра в повести Елены Шварц <i>Концерт для рецензий: Гоголь, Довлатов и все-все-все</i>	545
Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak , „Время для космоса болезнь, а для нас – древо жизни”. Метафизика времени в прозе Михаила Шишкина	557
Martyna Kowalska , Хаос времени – время хаоса. Роль и значение времени в современной российской драматургии	573
Bartłomiej Brząkiewicz , Потерянный во времени. Сюжетные сложности современной русской прозы. Выбранные примеры	591

Евгения Строганова

Москва, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)

Тюремно-каторжные тексты И.П. Ювачева: особенности восприятия и репрезентации времени

Imprisonment's Texts of I.P. Yuvachev:
Peculiarities of Perception and Representations of Time

Abstract: After being one of the active participant in the group People's Will as a young man I. P. Yuvachev spent his days in prisons with hard labour for more than 12 years. The letters to family, diaries of Sakhalin period and memoirs about Schlisselburg and Sakhalin are utilized to examine the author and his ideas. We can see a clear difference between an 'event-driven' time perspective and a retrospective reproduce of events when comparing the memoirs and his personal documents of the same time. Yuvachev reconstructed 'event-driven' time when describing everyday life. In opposite, the personal documents (letters and diaries) provide insight into more complicated perception of the time which is reflected in the various forms of its representation.

Keywords: I.P. Yuvachev, diaries, memoir, event-driven time, retrospective reproduce.

Существуют общие закономерности восприятия времени, определяемые национальной культурой, религией, возрастом, факторами психического и социального порядка. К числу социальных факторов относится пребывание в экстремальных условиях тюрьмы и каторги, которое оказывает воздействие на отношение человека к жизни, и это особым образом выражается в каждом отдельном случае. Статья посвящена проблеме субъективного восприятия времени человеком, оказавшимся в такой исключительной ситуации. Имя Ивана Павловича Ювачева до недавнего времени в большей степени ассоциировалась с именем его сына – Даниила Ивановича Ювачева, известного как Даниил Хармс. Однако мемуарист и религиозный публицист Иван

Ювачев (литературное имя – И. Миролюбов), человек необычной судьбы, сам по себе был личностью замечательной. Особенности репрезентации времени в текстах Ювачева невозможно понять вне контекста его биографии.

Ювачев родился в 1860 г. в семье придворного полотера¹ и получил традиционное патриархальное воспитание. Четырнадцать лет, по окончании Владимирского уездного училища, он поступил в Техническое училище морского ведомства. В 1878 г. окончил училище в звании кондуктора корпуса флотских штурманов и записался в Черноморский флот. В Николаеве Ювачев познакомился с подполковником Михаилом Ю. Ашенбреннером, членом военной организации „Народной воли“. По его заданию он собрал кружок морских офицеров и, как писала впоследствии Вера Н. Фигнер, отличался „стремительностью революционной пропаганды“ среди моряков².

Летом 1883 г. Ювачев приехал в Петербург, где был арестован. Осенью 1884 г. состоялся закрытый военный суд над четырнадцатью народовольцами – так называемый „процесс 14-ти“. Ювачев обвинялся „в революционной пропаганде среди офицеров Черноморского флота“³. 28 сентября решением Петербургского военно-окружного суда восемь подсудимых, в том числе Ювачев, были приговорены к смертной казни через повешение. 1 октября приговор был объявлен осужденным⁴, 5 октября участь шести из них была смягчена, Ювачеву казнь заменялась пятнадцатью годами каторжных работ, 6 октября приговор был утвержден императором⁵. Таким образом, шесть дней осужденные жили в ожидании смерти. В письмах и дневниках Ювачева не находим упоминаний о том, что он чувствовал в эти дни, но можно вспомнить слова героя Достоевского, что смертный приговор отнимает „последнюю надежду, с которою умирать в десять раз легче“⁶. В мемуарах Ювачев сдержанно обозначает свое состояние, говоря о „мучительных днях“ по-

¹ Настоящая фамилия его отца была Ивачев, но к моменту определения в 1840 г. на службу в полотерную казенную команду Зимнего дворца он, заменив первую букву, стал Ювачевым. См. И.П. Ювачев, *Дни и годы моей жизни. По материалам Государственного архива Тверской области*, предисл., подготовка текста, вступительные статьи и комментарии Е.Н. Строгановой, Москва 2017, с. 40.

² В. Фигнер, *Избранные произведения: в 3 т.*, Москва 1933, т. 2: *Запечатленный труд*, с. 96. Члены кружка „признали себя солидарными с программой исполнительного комитета, а кружок свой – составною частью военной организации народовольческого общества“. См. Б.Б. Глинский, *Эпоха мира и успокоения (Исторические очерки)*, „Исторический вестник“ 1911, т. 126, с. 737.

³ Государственный архив Тверской области (ГАТО), ф. 911, оп. 1, ед. хр. 13, л. 6.

⁴ И.П. Ювачев (И.П. Миролюбов), *Шлиссельбургская крепость*, Москва 1907, с. 5.

⁵ ГАТО, ед. хр. 4а, дневник 2, л. 20 об.

⁶ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: в 30 т.*, Ленинград 1973, т. 8, с. 20.

сле приговора: „Еще не разрешен был страшный вопрос: быть или не быть?“ Но он подробно приводит разговор с родными и свой ответ на предложение обжаловать приговор: „Оставьте мне [...] немного сократовского утешения“, то есть сознание того, что он невиновен и осужден „неправильно“⁷.

Материалом для исследования стали письма и дневники Ювачева 1886-1897 гг., хранящиеся в Государственном архиве Тверской области, а также его опубликованные мемуары о тюрьме и каторге⁸. Тюремно-каторжный период в жизни Ювачева длился 12 лет: в тюрьме он, по собственным подсчетам, находился 47 месяцев и 10 дней⁹, из них 13 месяцев в Петропавловской, затем в Шлиссельбургской крепости, почти 60 дней длилась дорога на каторгу, и 8 лет он провел на Сахалине. Соответственно изменявшимся условиям жизни изменялось и ощущение времени.

В Шлиссельбурге Ювачев выделялся неординарностью поведения: в отличие от остальных осужденных, он полностью подчинился тюремным правилам и „добровольно обрек себя на абсолютное одиночество“¹⁰, то есть отказался от перестукивания, что было единственной формой общения с товарищами. Такое смирение объясняется особенностями характера и тем, что в тюрьме, после многих лет юношеского „отступничества“, произошло возвращение Ювачева в лоно религии: „Тогда-то Бога усмотрел“ – писал он в одном из стихотворений.

В условиях одиночного заточения и отсутствия контакта с внешним миром¹¹ религиозность Ювачева приобрела характер экзальтации, что во многом определило его восприятие времени. Особенно явно это выражается в письмах из Шлиссельбурга. После ареста и суда в течение трех лет он был лишен возможности общения с родными, первое письмо из тюрьмы датировано 8 ноября 1886 г. Всего сохранилось 4 письма из Шлиссельбурга. 1 декабря 1886 г., отвечая на вопрос, как он жил все это время, Ювачев пишет: „...жил внутреннею, духовною жизнью. Лишенный внешних картин, в моем воображении рисовал много внутренних. Например, дни, недели, месяцы

⁷ И.П. Ювачев, *Шлиссельбургская крепость...*, с. 11, 12.

⁸ И.П. Миролюбов, *В заточении*, „Исторический вестник“ 1902, т. 87, № 1, с. 181-210 (существенно дополненное и откорректированное издание: И.П. Ювачев (И.П. Миролюбов), *Шлиссельбургская крепость*); И.П. Миролюбов, *Восемь лет на Сахалине*, Санкт-Петербург 1901 (впервые: „Исторический вестник“ 1900, т. 79, с. 267-301, 631-669, 1060-1101; т. 80, с. 175-220, 550-583, 896-924; т. 81, с. 136-169).

⁹ ГАТО, ф. 911, оп. 1. ед. хр. 4а, дневник 2, л. 20 об.

¹⁰ И.П. Миролюбов, *В заточении...*, с. 184.

¹¹ В Петропавловской крепости, до суда, изредка разрешались свидания, но в Шлиссельбурге заключенные были лишены их (И.П. Ювачев, *Шлиссельбургская крепость*, с. 32).

созерцал построенный храм Божий в моем воображении”¹². Внешняя, событийная сторона в этих письмах отсутствует.

В мемуарах о Шлиссельбурге Ювачев не раз обращается к проблеме времени, описывая тюремные обстоятельства и психологически характеризуя состояние заключенного:

Каждый час, каждые полчаса, даже каждые четверть часа, в тюрьме, как нарочно, подчеркиваются или боем часов, или сменой часовых. Люди прикладывают разную мерку ко времени, но несчастный узник, главным образом, измеряет его степень своего терпения. Он не проводит время в тюрьме, он *терпит* время, как вообще терпят или переносят что-нибудь неприятное, скучное, тяжелое¹³.

Рассуждая о тюремном времени, он сравнивает его переживание с движением „по длинной, вязкой и скучной дороге”: „Говорят, в тюрьме скоро проходит время. Да, пожалуй, это правда, когда оглянешься назад, но настоящее, текущее время утомительно длинно”¹⁴. Это различие между восприятием событийного времени и его ретроспективным воспроизведением отчетливо видно при сравнении мемуарных текстов Ювачева и его писем.

Шлиссельбургские письма свидетельствуют, что огромную роль в существовании Ювачева играла духовная сторона жизни, время он заполнял, как бы уходя во вневременное пространство и выпадая из реальности. Сведения повседневного характера в письмах игнорируются. Однако в воспоминаниях Ювачева акцентированы не духовные интересы, а умственные занятия. Мемуарист сообщает, что пытался заполнить время ежедневной интеллектуальной работой: „...мысленно читал воображаемым слушателям лекции по своим любимым предметам, по математике, физике и астрономии, сочинял стихи, делал французские и английские переводы, занимался классическими языками и др”¹⁵. При этом Библия фигурирует как средство ориентации в событийном времени: „...вел счет дням по страницам библии, прочитывая по одной ежедневно”¹⁶. Шлиссельбургские мемуары строятся как повествование о событиях и тюремном быте:

На другой день меня перевезли в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, где я находился и раньше до суда. Место то же самое, но условия уже

¹² ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 3, ч. 1, л. 1.

¹³ И.П. Миролюбов, *В заточении...*, с. 182.

¹⁴ Там же, с. 201-202.

¹⁵ Там же, с. 193-194.

¹⁶ Там же, с. 202.

переменялись. От меня взяли мой морской костюм, в котором меня арестовали. Не дали мне и больничного белья и синего халата из какого-то офицерского лазарета, как это полагается здесь для лиц, находящихся под следствием. Теперь на мне грубое толстое белье, серые суконные штаны, такая же серая короткая курточка и круглая арестантская шапка [...]»¹⁷; Покончил с обедом, значит, прожил половину дня, надо прожить, провести еще другую половину¹⁸

и т. д. Таким образом, в тексте воспоминаний, предназначенных для публикации, Ювачев корректирует угол зрения, обращая автогероя к повседневности.

В мемуарах не находим упоминаний и о церковных праздниках, тогда как эпистолярные тексты свидетельствуют, что Ювачев строго соблюдал церковный календарь: темпоральное приурочивание писем включает указание не только даты, но и соответствующего ей церковного праздника. О религиозной фиксированности Ювачева можно судить и по его стихам¹⁹. Стихотворное переложение молитвы *Царю небесный* датировано следующим образом: „4 июня 1885 г. на память Святителя Митрофана (Μυτρο-φανύς) в 9 ч. утра (3-й час по-церковному)”, то есть время уточняется по церковному богослужебному кругу. Уже на Сахалине Ювачев составил сборник из шлиссельбургских и более поздних стихотворений. Основное место в нем занимают стихи религиозного содержания, и большинство из них связано с церковными датами и церковной жизнью: *На память явления Тихвинской иконы Божией матери. 500 лет, В 100-летнюю память Тихона Задонского. 13 августа 1783-1883 года, В начале поста Иоанну Предтечи* и т. д.

Эти и другие материалы позволяют говорить, что в замкнутом тюремном существовании религиозная сосредоточенность Ювачева, выведившая за пределы земного времени и актуализировавшая время сакральное, вероятно, оказалась для него спасением. Как известно, многие шлиссельбургские заключенные не выдерживали тюремных условий. М.Ю. Ашенбреннер вспоминал, что „в первые годы погибло около 50%, в том числе двое были расстреляны за оскорбление действием. Потом началось почти повальное сумасшествие”²⁰. Объективности ради надо сказать, что истовая религиоз-

¹⁷ И.П. Ювачев, *Шлиссельбургская крепость...*, с. 11.

¹⁸ И.П. Миролюбов, *В заточении...*, с. 190.

¹⁹ И.П. Ювачев, *Милость и Истина. Сборник стихотворений*, [в:] его же, *Дни и годы моей жизни*, Москва 2017, с. 61-109 (впервые [в:] *Православная культура: История и современность. Сборник научных статей*, под ред. Е.А. Потехиной и А.Г. Кравецкого, Olsztyn 2016, с. 251-296 (*Fontes Slavica Orthodoxa*, 3).

²⁰ М.Ю. Ашенбреннер, *Военная организация „Народной воли и другие воспоминания. (1860-1904 гг.)*, Москва 1924, с. 114.

ность Ювачева давала основание товарищам считать сумасшедшим и его²¹, но тот же Ашенбреннер в своих мемуарах замечает, что впоследствии Ювачев „поправился”.

27 мая 1887 г. пятерых политических заключенных – Ювачева, Бронислава О. Пилсудского, Петра С. Горкуна, Степана А. Волохова и Михаила Н. Канчера²² – вывезли из Шлиссельбурга в Москву, потом через Киев в Одессу. 9 июня пароход „Нижний Новгород”, который сплавлял каторжных на Сахалин, отправился к месту назначения, куда прибыл 3 августа. Сохранились письма Ювачева к родным, написанные в трюме парохода, где содержались узники. „После одиночного заключения я испытываю другую крайность: неразлучно живу со 110 человеками”, – писал он²³. Основную массу томившихся в трюме узников составляли уголовники, политические опасались враждебности с их стороны, но опасения не оправдались. Письма Ювачева можно сравнить с письмами Бронислава Пилсудского, отзывавшегося о Ювачеве как о „человеке очень хорошем”, который „занимается только Библией, Евангелием да Астрономией”²⁴. На Сахалине они поддерживали дружеские отношения, но близко не сошлись²⁵. В путевых письмах Пилсудского, несмотря на обилие рефлексии, очень много живых описаний, по ним можно наглядно представить условия существования каторжных. Письма же Ювачева в этом смысле менее содержательны и дают несколько размытую картину. Однако если сравнивать их с его же посланиями из тюрьмы, то можно заметить существенную разницу, изменяется общая тональность писем и их содержание: он датирует смену мест и их последовательность,

²¹ О сумасшествии Ювачева пишет Ашенбреннер; в числе тех, кто сошел с ума, упоминает его и Л.А. Волкенштейн (Л.А. Волкенштейн, *13 лет в Шлиссельбургской крепости: Записки Людмилы Александровны Волкеништейн*, [Санкт-Петербург] [1906], с. 18).

²² Все они, кроме Ювачева, были осуждены в 1887 г. по процессу „Второе 1 марта” за участие в покушении на Александра III.

²³ ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 3, ч. 2, л. 6.

²⁴ Бронислав Пилсудский, *Письма Отцу*, „Известия Института наследия Бронислава Пилсудского” 2010, № 14, с. 18 (письмо из Одессы, 8 июня 1887 г.). Уже с Сахалина, 23 марта 1888 г., Пилсудский писал о Ювачеве как о „религиозном фанатике”, который „мечтает о переводе или исправлении русских переводов Библии” (цит. по: Збигнев Вуйцек, *Из неизвестной переписки ссыльного Бронислава Пилсудского*, „Вестник Сахалинского музея” 1998, № 5, с. 353).

²⁵ В калининском (ныне тверском) архиве находились 7 писем Пилсудского к Ювачеву, относящихся к разным периодам, и письмо сестры Пилсудского Людвиги, которая в 1903 г. собиралась навестить брата на Сахалине. Ныне сохранилась лишь их краткая опись (ГАТО, ф. Р-1582, оп. 1. Ед. хр. 46, л. 1-2). Существовало также дело под названием „Переписка, имеющая отношение к Брониславу Пилсудскому”, которое также значится в числе „выбывших”.

сообщает родным о внешних впечатлениях и событиях. Ювачев хронографирует маршрут этого своеобразного „путешествия”, перечисляя географические объекты на пути следования: „27 мая из С.Петербурга. 28 – в Москве. [...] 11 июня Константинополь, 12 июня мимо Афона, 14 июня Средиземное море, Палестина” и т. д.²⁶ Принцип хронографирования характерен и для дневников Ювачева, стремившегося ретроспективно восстанавливать события, осмысляя и темпорально упорядочивая их. Он пишет заметки о своей работе с греческой Библией, которую получил в Шлиссельбурге „после всеобщего бдения с 15 на 16 января” 1886 г.²⁷; составляет хронологические своды под заглавиями „Дни и годы моей жизни”²⁸, „Замечательные дни моей жизни с показанием лун относительно Иерусалимского меридиана”²⁹ и т. д.

В мемуарах, подытоживая свое сахалинское восьмилетие, Ювачев писал: „Я был в лучших условиях, чем другие: лучше обеспечен, пользовался вниманием и покровительством начальства, имел в своем распоряжении казенный дом среди цветущего сада, а главное – у меня были разнообразные занятия...”³⁰. Он работал плотником на постройке церкви, был певчим в церковном хоре, по распоряжению администрации составил морскую карту западного берега Сахалина и лоцию Татарского пролива, был наблюдателем на метеорологической станции³¹.

Важной частью жизни Ювачева были религиозные занятия и размышления, расписание своего дня он соотносил с богослужебным церковным кругом, отмечая это в дневнике: „Составлял расписание недель по церковному кругу. Утром и вечером службы”³²; „Утром пел за обедней с псаломщиком [...] Всенощная с вербами. [...] Читал после всенощной *Душеполезный собеседник*”³³ и т. п. В письмах с Сахалина он, как и раньше, фиксирует не только дату, но и церковный праздник. Например, в письме от 15 августа 1887 г.

²⁶ ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 3, ч. 2, л. 3а.

²⁷ ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 4а, дневник 2, л. 26.

²⁸ ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 4а, дневник 2, л. 20 об.

²⁹ ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 4а, дневник 2, л. 119.

³⁰ И.П. Миролюбов, *Восемь лет...*, с. 286. Сахалинская администрация использовала образованных ссыльных, в том числе политических, в тех видах деятельности, которые требовали специальной подготовки или образованности. В 1890 г. на Сахалине отбывали наказание около 40 политических ссыльных. См. М.Л. Семанова, *Общался ли Чехов на Сахалине с политическими ссыльными?* „Русская литература” 1972, № 1, с. 148.

³¹ За заслуги Ювачева в области метеорологических наблюдений на Сахалине Императорская академия наук в 1899 г. утвердила его корреспондентом Главной физической обсерватории (ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 17, л. 11).

³² ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 4а, дневник 2, л. 9 об.

³³ ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 4а, дневник 2, л. 13 об.

говорит о своем участии в постройке церкви в честь Казанской иконы, но дату вписывает позже, видимо, пересматривая письма впоследствии, изначально же датирует письмо „День Успения Божией Матери, 1887 г.”³⁴

Как человек религиозный, Ювачев уповал на жизнь вечную и принимал неизбежность зла в земном существовании. Но перенесенные испытания обострили понимание ценности земного времени. В дневниках он педантично фиксирует каждый прожитый день, нередко описывает свои занятия по часам, часто отмечает дни недели. Но все это в принципе обычно для ведения дневников. Вместе с тем дневники Ювачева в плане репрезентации времени кроме упомянутого выше хронографирования событий имеют и другие специфические черты.

На титульном листе каждого дневника он обозначает постфактум дату его начала и окончания, а в случае локальных перемещений отмечает маршрут. Например: „С 25 сент.<ября> /7 окт.<ября> 1892 г. по 25 апр.<еля> /7 мая 1898 г. Сахалин, Владивосток, р.<ека> Уссури, Япония, Америка, Англия, Россия, Любань, С.Петербург»³⁵.

В дневниках постоянно встречаются записи нумерологического характера. Можно предположить, что Ювачев как любитель математики „занимался вычислениями” под влиянием пифагорейской теории чисел. Наиболее знаменательны уже упомянутые хронологические своды „Замечательные дни моей жизни” и „Дни и годы моей жизни”. Он ищет совпадения, предвещения и предназначения в своей судьбе, соотнося события и даты, в том числе проецируя перипетии собственной жизни на Священную историю, например: „Итого со дня ареста сидел в Петроп.<авловской> крепости 430 дней, по числу лет пребывания Израиля в Египте”³⁶.

Как правило, Ювачев использует двойную фиксацию дат: по юлианскому и григорианскому календарю, что было необычно для дневников³⁷. Пока не удастся найти убедительной аргументации такой двойной датировки. Возможно, она объясняется любовью к астрономии и календарям, выражавшейся в том, что для обозначения дней недели он использовал символы планет, а некоторые вычисления ориентировал на лунный календарь. Двойная датировка может объясняться и тем, что до 1875 г. Сахалин находился в совместном владении России и Японии, а в Японии с 1873 г. был принят григорианский календарь. Можно высказать и другие соображения, но все они останутся на уровне предположений.

³⁴ ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 3, ч. 2, л. 16, 17-об.

³⁵ Ед. хр. 13 л. 1.

³⁶ ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 4а, дневник 2, л. 20 об.

³⁷ Все сахалинские письма датированы по юлианскому календарю.

Наконец, еще одно характерное свойство сахалинских дневников Ювачева связано с его отношением к Марии Антоновне Кржижевской (1854-1892), акушерке и фельдшерице, заведовавшей метеорологической станцией. По доброй воле она приехала на Сахалин, чтобы лечить каторжных и помогать им. Для Ювачева Кржижевская стала самым близким и дорогим человеком. Познакомились они в 1888 г., в июне 1892 г. Мария Антоновна скончалась, и дневники Ювачева за эти годы фиксируют их ежедневное общение: метеорологические занятия, религиозные беседы, бытовые заботы и т. д. После смерти Кржижевской он пересматривает свои дневники и рядом с некоторыми записями, как бы поворачивая время вспять, отмечает синим карандашом, через сколько месяцев или дней она заболела и умерла: „Чрез 666 пох.<ороны> М.<арии> Ант.<оновны>”³⁸, „† чрез 30 месяцев М.<ария>А.<нтоновна>”³⁹, „Чрез год похороны М.<арии> А.<нтоновны>”⁴⁰, „Ровно чрез 9 месяцев приняла ванну и заболела”⁴¹ и др. Ювачев возвращает прошлое из перспективы уже наступившего будущего, соотнося его с датой смерти Марии Антоновны, вероятно, тем самым психологически усиливая значение и ценность тех дней, когда она была рядом. Такого рода записи свидетельствуют о своеобразных попытках управления временем.

Подводя итоги, вновь вернусь к мысли о том, что в личных и публичных тюремно-каторжных текстах Ювачева время репрезентировано по-разному. Предназначенные для публики мемуары Ювачева, как это и предполагается жанром рассказа о своей жизни с автогероем в центре повествования, ретроспективно восстанавливают событийное время. Но синхронные документы интимного характера – письма и особенно дневники, в которых наиболее полно выражается личность человека, его умственное, психическое, физическое состояние, свидетельствуют о многомерном восприятии земного времени – и это сложное ощущение времени выражается в усложненности и разнообразии форм его репрезентации.

Библиография

- Ашенбреннер М.Ю., *Военная организация „Народной воли” и другие воспоминания. (1860-1904 гг.)*, Москва 1924.
- Глинский Б.Б., *Эпоха мира и успокоения (Исторические очерки)*, „Исторический вестник” 1911, т. 126.

³⁸ ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 4а, дневник 2, л. 40 об.

³⁹ ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 4а, дневник 2, л. 63.

⁴⁰ ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 4а, дневник 2, л. 80.

⁴¹ ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 4а, дневник 2, л. 84 об.

- Волкенштейн Л.А., *13 лет в Шлиссельбургской крепости: Записки Людмилы Александровны Волкенштейн*, [Санкт-Петербург] [1906].
- Вуйцек З., *Из неизвестной переписки ссыльного Бронислава Пилсудского*, „Вестник Сахалинского музея” 1998, № 5.
- Достоевский Ф.М., *Полное собрание сочинений: в 30 т.*, т. 8, Ленинград 1973.
- Ювачев И.П., *Милость и Истина. Сборник стихотворений*, [в:] его же, *Дни и годы моей жизни*, Москва 2017.
- Миролюбов И.П., *В заточении*, „Исторический вестник” 1902, т. 87, № 1, с. 181-210.
- Миролюбов И.П., *Восемь лет на Сахалине*, Санкт-Петербург 1901.
- Миролюбов И.П., *Восемь лет на Сахалине*, „Исторический вестник” 1900, т. 79, с. 267-301, 631-669, 1060-1101; т. 80, с. 175-220, 550-583, 896-924; т. 81, с. 136-169.
- Пилсудский Б., *Письма Отцу*, „Известия Института наследия Бронислава Пилсудского” 2010, № 14.
- Православная культура: История и современность. Сборник научных статей*, под ред. Е.А. Потехиной и А.Г. Кравецкого, Olsztyn 2016 (*Fontes Slavia Orthodoxa*, 3).
- Семанова М.Л., *Общаясь ли Чехов на Сахалине с политическими ссыльными?*, „Русская литература” 1972, № 1, с. 146-157.
- Фигнер В., *Избранные произведения: в 3 т.*, Москва 1933, т. 2 [*Запечатленный труд*, т. 2].
- Ювачев И.П., *Дни и годы моей жизни. По материалам Государственного архива Тверской области*, предисловие, подготовка текста, вступительные статьи и комментарии Е.Н. Строгановой, Москва 2017.
- Ювачев И.П. (И.П. Миролюбов), *Шлиссельбургская крепость*, Москва 1907.

Архивы

- Государственный архив Тверской области (ГАТО), ф. 911, оп. 1, ед. хр. 3. – Письма И.П. Ювачева к родным.
- ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 4а, дневник 2. – Дневник 1890-1892 гг.
- ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 4а, дневник 3. – Дневник 1892-1898 гг.
- ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 13. – Личные и служебные документы И.П. Ювачева.
- ГАТО, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 17. – Извещения Тверской научно-архивной комиссии.
- ГАТО, ф. Р-1582, оп. 1, ед. хр. 46, л. 1-2. – Описание писем Бронислава Пилсудского к Ивану Павловичу Ювачеву.

Информация об Авторе

Евгения Нахимовна Строганова (Jewgienija N. Stroganowa) – доктор филологических наук, профессор, профессор Кафедры общего и славянского искусствознания, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Институт славянской культуры.

e-mail: enstroganova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0288-4287>

Utrwalone w świadomości Rosjan wyobrażenia o istocie czasu, odzwierciedlone w ich dziełach artystycznych, w myśli filozoficznej i teologicznej, w praktykach społecznych, rytuałach, mitach, w przeświadczeniach o naturze codzienności, stanowią materiał dla refleksji podjętej przez autorów tomu *Czas w kulturze rosyjskiej. Время в русской культуре*.

Rosyjskie doświadczanie i konceptualizowanie czasu analizowane jest z perspektywy kulturoznawstwa, filozofii, literaturoznawstwa, filmoznawstwa, językoznawstwa, folklorystyki, politologii i historii.

Rozważania o swoistym dla Rosjan odczuwaniu czasu, myśleniu o nim i jego wyobrażeniach, przedstawione zostały w rozdziałach poświęconych następującym zagadnieniom: czas w języku – język w czasie; sakralne i mitologiczne rytmy czasu; konceptualizacje czasu w rosyjskiej myśli teologicznej i filozoficznej; kulturoznawcze i historyczne ujęcia czasu; czas jako aspekt życia społecznego; temporalne aspekty literackiego obrazu świata.

W niniejszym tomie swoimi refleksjami dzielą się badacze reprezentujący uniwersytety i centra badawcze z siedmiu krajów.